

УДК 930.1 : 316.35

Б. М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Характеризуются признаки понятия «народ», различные варианты рассмотрения дефиниции в историческом аспекте. Обосновываются понятия «народ» и «масса» на примере анализа конкретных политических событий во Франции. Доказывается важность возвращения в гносеологический оборот категории «народ».

Статья представляет логическое продолжение темы, начатой публикацией материала «Роль личности в истории: метафизический аспект» [1]. В курсе исторического материализма, не столь давно преподававшегося во всех вузах страны, данная тема имела несколько иное звучание: «Роль народных масс и личности в истории». Прежде чем перейти к раскрытию «народной» тематики, необходимо сделать небольшое философско-историческое и мировоззренческое вступление, предлагающее рассмотрение некоторых важнейших проблем. Насколько сопрягается наш интерес к абстрактной тематике с господствующими в обществе прагматическими умонастроениями? Говоря привычным языком, в чем актуальность предложенной темы? Отвечая на этот вопрос, заметим первое: человеческое познание, развитие социума не может быть ограничено любой доминантной мыслью, поскольку жизнь всегда намного глубже конкретных доктрин, какими бы важными они ни казались. Вместе с тем знания не могут быть лишними, даже если они представляются чрезмерно абстрактными и не демонстрируют преимуществ практического характера. За гробом Маркса, как известно, шел десяток человек, но через несколько десятилетий его идеи охватили весь мир и стали знаменем миллионов. Сегодня разговоры о «роли народа» кажутся ненужными, поскольку они далеки от прагматических устремлений, но что будет завтра? Второе: интерес к социально-философским идеям фактически ежедневно находит подтверждение в различных действиях больших масс людей. События в Венесуэле, во Франции, многих иных странах показывают, что никуда не ушли ни революционные ситуации, ни сами революции, где важнейшую роль играли именно организованные и неорганизованные организации людей. Идеальный мир остался в утопиях и антиутопиях выдающихся мастеров слова, а реально мы сталкиваемся все с тем же хаосом, который сегодня приобретает глобальные формы, с духовным одичанием. Какова роль в преодолении этих процессов не просто элиты, но тех людей, за которыми понимание интересов миллионов. Это стихия или сознательная деятельность? Это организованная сила или восставший хаос? Вопросов много, и нужны ответы хотя бы на некоторые из них. Третье: речь идет не только о знании сугубо абстрактном. Речь и о социальном идеале, и о практическом понимании процессов, которые возникают, как правило, в критический период развития стран, континентов. Возьмите белорусскую политико-правовую практику. Разве можем мы сказать, что разговоры о национальной идее, о роли в формировании этой идеи элит, интеллектуалов безотносительны к процессам, происходящим в народной толще? Конечно, нет. В Беларуси интерес к социально-философским идеям носит острый идеологический, политический, мировоззренческий характер. Речь идет – в контексте данной статьи – о тех силах, которые заинтересованы в решении важнейших вопросов нацио-

нального бытия и для которых данные вопросы лишены исключительно академического характера.

Теперь, очевидно, необходимо обратиться к ключевой категории темы – «народ». Марксистская традиция апеллировала к народу как творцу истории по совокупности следующих основных аргументов: народ является основной производительной силой, поскольку именно он создает основные материальные блага; народ априори активен, именно он «провоцирует» появление новых форм жизнедеятельности; народ создает и хранит язык, духовные традиции и т. д. Современные авторы идут существенно дальше при анализе категории «народ». В качестве примера обратимся к точке зрения гродненских ученых. Они полагают, что «каждый народ имеет свою собственную историческую судьбу, выражающуюся во внутренней логике его развития» [2, с. 239]. Далее, это вопросы веры и национальная идея – именно они объединяют народ в единое целое. Наконец, «атрибутом народа является единство исторической памяти и исторической перспективы» [2, с. 240]. На наш взгляд, эта точка зрения может быть принята в качестве базового подхода, тем более что она многократно апробирована в трудах представителей русской религиозной мысли, прежде всего Н. А. Бердяева. Однако здесь необходимы некоторые важные смысловые оговорки.

Первое: далеко не всегда удастся определить и осмыслить перечисленные компоненты (атрибутивные свойства) категории «народ». Типичный пример – ситуация в Беларуси. Несмотря на все усилия обществоведов, предмет, например, национальной идеи не поддается конвенциональному осмыслению. Значит ли это, что и с понятием «народ» в целом существует некоторая неопределенность? И как тут быть с известной формулой «Мы, народ Беларуси»? Еще: как быть в том случае, когда историческая память многоаспектна, говоря проще, нет единства в ее интерпретации и споры здесь носят перманентный характер? И тот же вопрос: нет цельной исторической памяти, нет и народа? Что касается категории «исторической судьбы», то здесь необходимо больше определенности: в чем историческая судьба белорусского народа? Русские мыслители написали сотни интересных и важных книг по этому поводу, у нас же здесь очевидные пробелы, причины которых в целом объективны.

Второе: не возникает ли опасность «заговаривания» проблемы? Если попытаться назвать известные свойства понятия «народ», то не окажется ли, что их слишком много? Вера, идея, перспективы, традиция, полумистическая судьба плюс все то, что сказано марксистами в прошлом веке. А это производительные силы, духовность (культура) и прочее. Существуют ли здесь приоритеты, иерархия? Прямых ответов здесь нет, и это связано с двумя группами причин.

Одна группа – это понимание неустойчивости мира, разрушение базовых первоначал социального бытия и молчаливое согласие большинства исследователей в том, что ученые просто не успевают (не могут) зафиксировать связи, тенденции, динамику развития идей и социальной жизни. Вторая группа причин в том, что перед нами сложившийся стереотип осознания данных трудностей в смысле констатации априорной недостаточности наших усилий. Вот как, например, профессор М. А. Кукарцева фиксирует данную мысль в предисловии к сборнику статей «Способы постижения прошлого» (ее материал называется «Познание истории в ускользающем мире») [3, с. 3]. Здесь особо хочется отметить определение «ускользающий». Если мир «ускользающий», то как можно требовать от авторов четких и ясных определений? Здесь – в постмодернистском духе – возникает стремление не определять, а описывать понятия.

Какой вывод следует из сказанного? Общепринятого определения понятия «народ» сегодня фактически не существует. Имеют место перечисления свойств, которые существенны с точки зрения современного «прочтения» категории. О некоторых из них мы вели речь выше. Не поможет нам здесь и отсылка к возможностям методологии,

за исключением марксистской методологии, теоретики которой сделали много для понимания данной дефиниции, но в духе критикуемых сегодня базисных положений. Феноменологи пока также не удостоили своим вниманием рассматриваемую категорию, и мы здесь можем пользоваться разве что общими положениями данной сферы знания, о чем будет идти речь ниже. Таким образом, обращение к теме, связанной с пониманием роли народа в истории, имеет некоторые затруднения, частично решить которые (в той или иной степени) мы можем, обращаясь к более конкретным категориям, следствиям, проявлениям этой роли. С нашей точки зрения, понятию «народ» присущи следующие основные признаки: это относительно крупные массы людей (1); это понятие, которое постоянно находится в развитии, изменении в зависимости от эпохи (2); как правило, основная линия деятельности народных масс связана с преодолением отживших форм социального общежития и решением актуальных задач, выдвинутых на первый план данной эпохой и данными идеологами (3); народ объединен либо одной религией, либо единством экономических, политических интересов, либо идеологическими мотивами, возможно, одним, вторым и третьим факторами одновременно (4).

Следующий важный момент связан с ответом на вопрос такого порядка: народ всегда олицетворяет собой принципиальное движение общества (нации, государства) вперед или же здесь возможны отступления регрессивного порядка? Народ никогда не ошибается или же деформации присущи ему так же, как и любому иному социальному образованию? Прямого ответа и здесь нет, поскольку оценки исторических действий, в том числе народа, могут иметь совершенно различный, часто противоположный характер исходя из методологических, идеологических, политических, иных оснований. Типичный пример – оценка событий 1917 г.: это революция или переворот, это искусственный перерыв в поступательном движении общества или следствие закономерного развития событий и т. д. Вот как рассуждает, например, такой крупный специалист в области отечественной истории, как А. В. Черняк. Во-первых, «народ – это люди, населяющие территорию, страну» [4, с. 4]. Во-вторых, «анализ революций в России и некоторых других странах показывает, что совершаются они не столько от слабости государства, сколько от слабости власти. И не от нищеты народа, а больше от желания людей жить более комфортно» [4, с. 23]. Очевидно, что определение народа носит чрезмерно широкий характер, а причины революций сводятся – пусть в эссеистской форме – к спорному желанию «жить комфортно».

Следует заметить, что понятие «народ» может быть заменено иными, близкими по содержанию понятиями. Это особенно касается современного «прочтения» данной категории. Точнее даже не «прочтения», а способов найти альтернативные категории. Приведем два примера.

Первый – это известная работа Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Вообще понятие «народ» употребляется мыслителем редко, в основном это «масса». Дело в том, что уникальна конкретная личность, а «народ» абстрактен по сути. Абстрактность конкретизируется в термине «масса». В русле экзистенциальных, феноменологических исканий на первом месте «Я», причем «Я», осознающее трагичность существования. Для Ортеги очевидно, что сегодня происходит явление, которое определяет всю нашу жизнь, – это «полный захват массами общественной власти» [5, с. 43]. Но это свидетельство не силы, а слабости, поскольку масса не способна управлять не только обществом, но и сама собой. Масса – символ столпотворения, переполненности, и в этом смысле понятие «масса» близко понятию «толпа». Символ времени – захват массами власти. В «обожествлении» постмарксистами (и прежде всего советскими теоретиками) понятия «народ» нет правды, полагает Ортега, поскольку «народ» есть парафраз «массы», за которой он признает силу, но не истину.

Второй пример связан с трудом Э. Канетти «Масса и власть». Как видим, здесь термин «народ» также заменен термином «масса», однако содержание данных дефиниций неоднородно. Один из критиков утверждает, что тема книг мыслителя фактически одна – это «взаимодействие массы и власти в силовом поле смерти» [6, с. 10]. Человек живет под постоянным давлением страха и только в массе может избавиться от этого чувства. Основной инстинкт массы связан с разрушением. Как пишет Канетти, «каждый ощущает, что, примкнув к массе, он переступил границы собственной личности, ликвидировал все дистанции, которые отбрасывали его назад, к себе самому – запирали его в себе» [6, с. 30]. Достаточно неопределенная цитата, но отражающая суть понимания массы: освобождение личности от условностей, принадлежность к массе как реализация свободного выбора.

Как можем заметить, перед нами не просто «замещение» одного термина иным, здесь совершенно разные акценты. Ортега, Канетти изучают собственно феномен «массы», но изучают прежде всего его психологическую сущность, связанную с феноменом власти. Для традиции, апеллирующей к понятию «народ», гораздо важнее его методологическая сущность, связанная с определением базовых принципов философии истории.

Почему понятие «народ» в работах большинства современных авторов фактически дезавуировано? Один из ответов связан с бессилием теоретиков «схватить» существенные черты дефиниции. Относительная ясность марксовых формул, связанных с понятиями «класс», «классовая структура», «базис» и т. д., сегодня подвергаются ревизии, в том числе и справедливой ревизии. С другой стороны, например, понятие «масса» более точно фиксирует хаотичность происходящего, неупорядоченность действий больших масс людей, неясность общего знаменателя их устремлений разного рода. Названия глав труда «Восстание масс» Ортеги говорят сами за себя: «Феномен стадности» (Маркс никогда не употреблял данный предикат по отношению к классам), «Одичание и история», «Век самодовольных недорослей» и т. д. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что масса рассматривается в трагическом тоне, ее динамика не контролируема и прогнозируема, и если «народ» всегда трактовался в оптимистичных, рациональных тонах и красках, то здесь на первый план выходят категории экзистенциального и иррационального характера. Более того, «европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности» [5, с. 98]. Это верное замечание, вопрос в ином: почему только европейская история подверглась такого рода судьбе? «Воплощенная посредственность» стала править миром, а вовсе не «народ», причем воплощением этой посредственности и стала масса (с одной стороны, с другой – это посредственность элиты). И это еще одна причина, вследствие которой народ (как категория) фактически покинул авансцену истории. Народа нет, есть масса, и это разоблачающая суть эпохи констатация. Вообще понятие «масса» в достаточной степени носит разоблачающий характер – в том смысле, что теоретики-концептуалисты ограничиваются «отрицательными» характеристиками рассматриваемого феномена, а вот процессы, явления утверждающего характера просматриваются недостаточно четко. И это, конечно, связано не только с категорией «народ». Если обратиться к проблемам эпистемологии, в частности истины и ее критериев, то достаточно легко можем заметить похожие процессы, рассмотренные нами в ином материале [7].

Возьмем для размышлений конкретный пример. Допустим, это фактически революционные события во Франции конца 2018–2019 гг., движение так называемых «желтых жилетов». В категориальном ракурсе мы должны говорить о протестных действиях народа или, в русле размышлений Ортеги и Канетти, о протесте масс? И как тут быть с исторической правотой? Здесь несколько аспектов темы. Первое: говорить о ясной социальной структуре протестующих людей мы не можем, поскольку представлены все слои общества. Второе: вести речь о четкой программе «желтых жилетов» мы

тоже не имеем возможности, поскольку движение начиналось стихийно, неорганизованно и только со временем стало приобретать черты организованного и последовательного действия. Третье: возникла проблема лидерства, в том числе политического, а значит, форм протеста и т. д. И вот вопрос: перед нами «народ» или «масса»? Возможно, в духе столь популярного сегодня интегративного подхода мы можем говорить о переплетении признаков одного и второго подходов? Движение, которое начинается со стихийного протеста по поводу частного вопроса, быстро перерастает свои первоначальные формы и приобретает организованные черты, т. е. масса становится народом. Но что нам дает данная констатация? Много: если масса стихийна, неорганизована, плохо осознает цели собственного движения, то народу присущи альтернативные качества: он четко понимает, чего хочет и как этих целей он может достичь.

В этом аспекте представляется, что надо вести речь об утверждении понятия «народ» в системе исторического, философского знания. Большие массы людей, как их ни называй, остаются главной производительной силой общества. Большие массы людей формируют соответствующую духовную среду, которая может нас не удовлетворять по каким-либо частным основаниям, но суть вопроса это не меняет. Большие массы людей решают судьбу не только свою, но и окружающей их социальной среды, соответствующих форм, и как только это происходит, мы можем смело называть эти структуры «народ».

Сегодня при апелляции к понятию «народ» имеют место достаточно размытые критерии. Когда говорят «мы, народ», то кого имеют в виду? Всех людей, проживающих в рамках данного государства, всю нацию или ее какую-то часть? Очевидно, ответ может быть как минимум двоякий. С одной стороны, это действительно символ всех людей, принадлежащих к конкретной нации, конкретному этносу, конкретной территории и осознающих свою общность по географическим, историческим, языковым и иным существенным признакам. С другой стороны, народом квалифицируют некую часть населения, признаками его в данной транскрипции будут высокая социальная активность, осознание важных и чаще всего общенациональных приоритетов, готовность к решительным действиям, в том числе жертвенного характера, словом, все это близко известной марксистской формуле про «авангард общества». В этом аспекте состав рассматриваемой категории не сводим к какой-то одной социальной группе. Широко известны примеры, когда аристократы, в целом представители имущего класса, вливались в ряды неимущих, когда одни цели объединяли совершенно разных по социальному статусу, имущественному положению, образованию и т. д. людей. Современная политико-правовая теория и практика дистанцируются от попыток революционного решения назревших вопросов. Но когда революции спрашивали у кого бы то ни было разрешения на действия разрушительного для действующей системы порядка? Это к тому, что категория «народ», как и многие иные категории социальной философии, носит именно метафизический характер. Это значит, что никакая догматика здесь в принципе невозможна, даже в части определения дефиниций. Это значит, что альтернативность точек зрения – действительно «железное» правило размышлений. Это значит, что при обращении к анализу данной категории на первый план выдвигается не столько рассматриваемая категория, сколько целостность социального порядка: характер эпохи, соотношение классов, слоев, иных структур, поставленные временем и идеологами цели и т. д. Понятие «народ» и иные философско-исторические категории взаимозависимы, причем эта взаимозависимость носит исключительный характер: чаще всего одно без другого (других) не существует.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. Роль личности в истории: метафизический аспект / Б. М. Лепешко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2019. – № 1. – С. 11–17.
2. Философия и методология науки : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др.]. – Минск : Высш. шк., 2012. – 639 с.
3. Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / отв. ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон+, 2011. – 352 с.
4. Черняк, А. В. Тайна революций в России / А. В. Черняк. – Минск : Літ. і мастацтва, 2011. – 304 с.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды : пер. с испан. / Х. Ортега-и-Гассет / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь мир, 1997. – 704 с.
6. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М. : АСТ, 2014. – 574 с.
7. Лепешко, Б. М. О некоторых методологических проблемах исторической эпистемологии / Б. М. Лепешко // Соц.-полит. науки. – 2018. – № 2. – С. 263–267.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.02.2019

Lepeshko B. M. The Role of the Masses in History: the Metaphysical Aspect

The category «people» as a logical continuation of the article about the role of the individual in history is discussed in the article. Character traits of the category are listed in the article, as well as various options for considering the definition from a historical perspective. The concepts of «people» and «mass» are justified on the example of the analysis of recent political events in France. The importance of returning the category to epistemological expression of the concept of «people» is proved.